

В ЛЕНИНГРАДЕ, во Дворце культуры и техники имени Первой пятилетки, в дни празднования 40-летия прорыва блокады состоялась встреча ветеранов театра Музыкальной комедии и молодежи. Одна из десятков подобных встреч, устроенных тогда в городе.

Ее подготовили, организовали, сделали возможной и, скажем так, «придумали» мальчишки и девчонки из 235-й ленинградской школы. Той самой школы, которая гремит сейчас по Союзу своим школьным, теперь уже народным, удивительно разнообразным, популярным музеем, называющимся броско и точно «А музы не молчали». Его 50 тысяч подлинных экспонатов, собранных несколькими поколениями школьников, рассказывают об искусстве в блокадном Ленинграде.

Как передать то, что происходило, что творилось в зале? Были и смех, и слезы, и шквальные аплодисменты, и вой снарядов, и разрывы бомб (в документальной записи), и воскешение тех, кого уже давно нет с нами (блокадные кинокадры), и воспоминания «как на духу», и концертные фронтовые номера, и отрывки из героической комедии «Раскинулось море широко», премьера которой состоялась 7 ноября 1942 года в осажденном Ленинграде... Ее написали офицеры Балтийского флота Всеволод Вишневский, Александр Крон, Всеволод Азаров, а поставили артисты Музкомедии, так и не узнавшие, что такое эвакуация.

Неодалеку от меня сидел восьмиклассник Дима Рязанцев. Учился неплохо, увлекается историей, хорошо работает в совете музея — нормальный, в общем, восьмиклассник. Я время от времени поглядывал на него и понимал: вершится великое дело. Пласт за пластом, образ за образом, подробности, фамилии, случаи из того далекого, голодного и легендарного 1942 года закладывались в него на вечное хранение, образуя тот самый материал, из которого создается человеческий стержень, куется мужской характер. Бывает, в трудную минуту жизни, в минуту принятия решения ищешь в душе, в памяти достойные образцы, наглядные примеры и — счастья, если находишь. Дима Рязанцев найдет. Хотя бы из того 42-го.

ТОЛЬКО за первый блокадный декабрь в Ленинграде умерло от голода свыше 52 тысяч человек. Кто знает, насколько удивительна бы эта цифра, если бы не было и хлеба, и искусства. Единственный оставшийся в городе театр — всеобщий театр Музыкальной комедии — за 900 дней блокады дал 919 спектаклей. Из воспоминаний А. Красновой, коренной ленинградки: «У меня кончились драки и продукты и уже тухлая котлетка — не была неросина.

Я думала — пропаду, не дотяну. Но случайно зашел школьный товарищ, есть, говорит, два билета в театр. В театр?.. Я уже забыла, что это такое. Когда мы пришли, не поверила своим глазам — блеск позолоты, бронза святильников, пурпурный бархат кресел и много-много народу! А на сцене — веселье, музыка, танцы. И я воскрисла».

Актрисы получали те же 125 граммов блокадного хлеба. Артист хора Абрамов умер во

потолку и прижимая к посуватый тампон. Это неудобно, и я здорово испачкала ручки».

Но написать текст — еще полдела. Предстояло сочинить музыку и потом все препартировать в театральное действо. Композиторы работали день и ночь. Актрисы с энтузиазмом учили роли, режиссер Николай Яковлевич Янет, как всегда, подновался больше всех. Чудеса творили художники, бутафоры, костюмеры. Моряки помогли театру достать настоящие каблуки, осыпавшиеся от катеров, снарядные шпильки, матросскую одежду. Не причесанные и немецкие мундиры —

часто вспоминал писатель октябрьские дни 1917 года и своих отчаянных друзей-моряков на улицах и площадях Петрограда. Так держали..

Обращение к славной истории Години, обращение к страстному слову великих русских писателей — разве это не хрустальной чистоты родник живой воды?!

— Когда мы писали «Раскинулось море широко», — говорит Александр Крон, — мы намеренно использовали некоторые литературные приемы. Мы брали за образец эпический пафос в осаждаемом Ленинграде, книги Достоевского, Гоголя, Пушки-

дию Александровну Колесникову, балерину Нину Васильевну Пальцер, директора театра Георгия Сергеевича Максимова, народного артиста республики Евгения Дмитриевича Михайлова, что помогло им выжить, выстоять, догнать, допеть. Их ответы, собранные воедино, можно изложить, ни на йоту не искажая смысла, так: «Мы — актеры. И извечно наша задача — открыть в человеке самое лучшее, что в нем есть; показать ему себя, заставить поверить и в свои силы, и в свою победу. В дни блокады мы только старались быть достойными этого актера, коим. Нередко со спектакля моряки и красноармейцы шли прямо в бой. Фронт был продолжением театра, театр — продолжением фронта. Иногда нам казалось: нет ни моряков, ни артистов, ни рабочих, ни домохозяек — есть одна, связанная кровными узами большая семья — ленинградцы. И мы все вместе должны выстоять, победить».

ПОДРОСТКИ, школьники могут очень многое. Созданный ими необычный музей «А музы не молчали» — тому яркое доказательство. Правда, их усилия, энтузиазм, фантазия надо умело и четко направлять. 235-й школе в этом повезло. Учителя физкультуры Евгений Алексеевич Линд, взятый на себя роль создателя музея, оказался человеком увлеченным, последовательным, талантливым. Одно из его качеств, так импонирующих ребятам, — полная самоотдача, растворение себя в общем деле. День основания музея 16 марта — это день гибели под Ленинградом отца Линда — Алексея Павловича, бывшего директора ТЮЗа, ушедшего добровольцем на фронт. С поиска родственников и реликвий тизовцев той поры и начался знаменитый теперь музей. А когда с самим Линдом случилось несчастье (об этом несколько лет назад рассказывала подробно «Литературная газета») и он оказался на грани жизни и смерти, тогда выжить помогали ему верные друзья, помог и пример осажденных ленинградцев, находивших в себе силы почти в нечеловеческих условиях жить и творить искусство.

«Ленинград выстоит и будет вновь воспитывать (в своих традициях) дух и сознание тех, кто придет потом...» после напа — писал Во. Вишневский в 1942 году. Да, так и случилось. Дима Рязанцев и тысячи его сверстников лично знакомы с людьми, выстоявшими вместе с Ленинградом. Их рассказы, их реликвии, их образы сохраняются навсегда и будут переданы сыновьям, внукам. «Пусть живет Память и воспитывает Человека», — записано в музейной книге отзывов.

Р. АРМБЕВ,
спец. корр. «Известий».
ЛЕНИНГРАД.

Далекое — близкое

БАЛТИЙСКИЕ МУЗЫ

время спектакля от истощения. Да разве он один! Если кто-нибудь не приходил на репетицию, знали — он уже не придет никогда. Играли при минусовой температуре. Изюрта певцов шел пар, мундштуки духовых инструментов примерзали к губам музыкантов. Балерины, прыгнув в кулисах из-под тулупа, вылакивали на сцену в легких платьях. Бочки с водой, поставленные пожарниками, превращались в глыбы льда. Грим отогревали дыханием. Если объявлялась воздушная тревога, все спускались в подвал-бомбоубежище, а после отбоя спектакль продолжали с того момента, на котором он был прерван...

Когда появились спектакли из жизни блокадного города, театр будто пережил второе рождение. И один из них, ставший событием в истории блокады, — «Раскинулось море широко». О героических морях-балтийцах, о советских разведчиках и вражеских лазутчиках, о нестягаемом Ленинграде.

Военный совет дал авторам для создания пьесы две-три недели. Они написали ее за 17 дней. В одной комнате поставили три стола, три койки. Вишневский и Крон взяли на себя драматургию, Азаров — стихи, кулишты, песни. Успевали еще вести дневники и выпускать свою стенгазету — «Боевой листок». Вспоминает Александр Александрович Крон: «Вишневский хоть и казался самым здоровым среди нас, но первым схватил диспепсию, попал в госпиталь. А о себе прочту несколько строк из тогдашнего дневника: «День был тяжелый для всех, мы кончили вчерне первые два акта и ружьями. У меня все утро шла носом кровь, пришлось писать, закрыв голову и

их вместе с автоматами доставили в Музкомедию прямо с поля боя».

У актрисы Лидии Колесниковой повачалу не получалась сцена, где она, русская разведчица, попадает в фашистский плен, — не хватало убедительности, достоверности. И вот однажды, когда она вышла из театра, началась обстрел. Снаряд разорвался совсем близко. Задрожали здания, содрогнулись и люди. «Ах; гад! Запугать хотите?! Не бывать этому!» На другой день режиссер отметил яростную, темпераментную игру Колесниковой: «Вот это то, что нужно!»

«ТЕАТР-ТЕРОЙ города-героя» — так был назван тот вечер. Из малых, на первый взгляд, поступков, переходящих порой в подвиги, из «нормального» блокадного образа жизни, зачастую оборачивающегося героизмом, выплывало это высокое знание — город-герой. А блокадный театр — его гордость.

Я думаю, откуда же тогда брали силы служители не молчаливых муз? На какие пример равнялись, на какой стержень внутри себя опирались? Что им служило поддержкой, наградой?

В блокадных дневниках Вс. Вишневского есть короткая запись без всяких комментариев: «Разведчик-комсомолец Лазарев был взят в плен. Лазарев увидел, что гитлеровцы ведут его на наше минное поле. Подумал — и пошел, решив не предпринимать их: «Я погибну, но со мной — я эта свобода». Дошли и все видели. Лазарев был ранен, уполз и добрался к своим... Побывал и в плену, и у смерти в лапах».

Потрясающий факт! Только по нему можно писать новую оперу «Иван Сузанин»... И еще

на... Причем невольно выбирали те вещи, где шла речь или о национальном русском характере, или о красотах, неповторимости, достопримечательностях города.

Среди удивительных теперь блокадных подробностей была и такая: в апреле 1942 года в Ленинграде отметили 700-летие победы Александра Невского на льду Чудского озера — статьи в газетах, выступления по радио, специальный вечер. Смысл торжества не скрывался: колы 700 лет назад были киосмы псов-рыбачей на чудском льду, то лугловцев тоже разобьем — на ладожском льду и на невском.

Память хоть и о давних, но славных делах — отстояли свободу Отечества! — способна волновать соотечественников и через столетия, и не просто волновать — вливать новые и новые силы, крепить дух. 29 июля 1942 года был учрежден советский военный орден Александра Невского. Первым на Балтике его получил лейтенант Игорь Петрович Чернышев. Два катера, которыми он командовал, выдержали бой против 13 катеров противника. Сведения об этом вошли в сводки Совинформбюро и зарубежных информационных агентств. Было у Чернышева и рискованное задание — высадить советских разведчиков на занятый фашистами берег. Ну, совсем как в спектакле «Раскинулось море широко»! Лейтенант со своими боевыми друзьями был приглашен на ту блокадную премьеру. И вот сегодня, еле сдерживая волнение, капитан первого ранга И. Чернышев рассказывает, как это было. После спектакля они вместе с цветами подожгли в ногам артистов несколько банок консервов и полбуханку хлеба — свой сухой паек.

Спрашивая солистку Ли-